РЕВАЛЬВАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ЗАДАЧИ СОЦИОЛОГИИ

Общество не может быть более развитым,
чем развита его культура

Горшков Михаил Константинович,

*доктор философских наук,
академик РАН, директор ФНИСЦ РАН,
Москва.*

E-mail: director@isras.ru

Комиссаров Сергей Николаевич,

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра по связям
с общественностью и СМИ ФНИСЦ РАН,
Москва.*

E-mail: prcult@mail.ru

Аннотация. В статье даны оценки состояния социологии культуры как науки, представлено обобщение данных проведенных в последние годы социологических исследований состояния и тенденций развития современной российской культуры, результаты которых позволяют скорректировать и повысить эффективность государственной культурной политики на федеральном и региональном уровнях. Исследования показывают, что модернизация российского общества все более выявляет недооценку значимости культуры как системообразующего основания российской цивилизации. Это требует разработки новой современной методологии и методики социологических исследований культуры, основанных на синтезе традиционной социологии культуры и культур-социологии.

Ключевые слова: социология культуры, российская культура, социокультурный анализ состояния отечественной культуры.

REVALUATION OF CULTURE AND CHALLENGES TO SOCIOLOGICAL SCIENCES

Gorshkov Mihail Konstantinovich,

*Doctor of Philosophy, Academician of RAS,
Director, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.
E-mail: director@isras.ru*

Komissarov Sergei Nikolaevich,

*Doctor of Philosophy, Professor,
Head, Center for PR and Mass-media,
Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.
E-mail: prcult@mail.ru*

Annotation. The article provides an assessment of the state of sociology of culture as a science, presents a summary of the data of sociological studies conducted in recent years on the state and trends of modern Russian culture. The results make it possible to adjust and increase the effectiveness of the state cultural policy at the federal and regional levels.

The research results show that the modernization of Russian society is increasingly revealing the underestimation of the importance of culture as the backbone of Russian civilization. This requires the development of a new modern methodology and methodology of sociological research of culture, based on the synthesis of traditional sociology of culture and culture-sociology.

Keywords: sociology of culture, Russian culture, sociocultural analysis of the state of Russian culture.

К постановке проблемы

Недооценка стратегической роли культуры как системообразующего основания российского общества, ее «стратегической значимости для успешной модернизации общества и экономического роста со стороны властных элит» была главной причиной, препятствующей развитию отечественной культуры, а во многом – и общества в целом. Это мнение экспертов¹, почти половина из которых представляли регионы страны, отражало необходимость привести в соответствие характер и направленность реального развития отечественной культуры с национальными интересами страны, все более возрастающими запросами обновления общества и вызовами наступившего информационного века.

Эксперты посчитали принципиально важным изменить отношение к культуре, выделив ее в качестве ключевой сферы общественной системы, которая создает внутреннюю мотивацию

¹ Экспертный опрос осуществлен в 2013–2014 гг. учеными Института социологии РАН, Института экономики РАН и Государственного института искусствознания (руководители – М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, А. Я. Рубинштейн, Н. В. Сиповская, С. Н. Комиссаров). Основной метод исследования – анкетирование и глубинные интервью экспертов. Совокупное количество опрошенных экспертов – 125 (глубинное интервью было проведено с 25 из них). В число экспертов вошли видные деятели культуры и искусства – члены Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, а также эксперты, приглашенные на заседания межведомственной комиссии по направлению «Современная культурная политика и развитие творческих инициатив»; практические работники в сфере культуры, руководители учреждений культуры, ученые, руководители вузов культуры, СМИ, общественных организаций, представляющие 8 федеральных округов РФ, 21 регион России. Среди них: 3 представителя федеральных органов исполнительной и законодательной власти, 2 руководителя субъектов Федерации, 15 министров (начальников управлений и департаментов культуры) или заместителей министров культуры субъектов Федерации, 41 руководитель учреждений культуры, 16 ведущих ученых в сфере культуры и культурной политики, 5 ректоров вузов культуры, 5 руководителей СМИ, 6 представителей коммерческих структур в сфере культуры, 7 руководителей общественных организаций, 2 члена Общественной палаты РФ.

поступков человека, определяет его идентичность и тем самым направляет нынешние и будущие изменения в стране. Причем руководители ряда учреждений культуры считали оправданным ввести «императивные механизмы поддержки приоритета культуры» в нашем обществе.

Точкой опоры для таких механизмов являются важнейшие документы Российского государства. Так, сущность культуры как способа очеловечивания человека и всех его общественных связей нашла отражение в основополагающем положении о человеке и гражданине России как высшей ценности социального государства (ст. 2 Конституции РФ). Поэтому деятельность российского государства должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ), которые являются основными качественными характеристиками культуры.

Сегодня значимость культуры как «цивилизационного кода нации» осознается не только в среде деятелей культуры и искусства, но и властью. Высказанное еще в 2012 г. мнение руководителя страны о том, что «культура является неотъемлемой частью всех сторон нашей жизни»¹, разделяет подавляющее большинство (85%) наших граждан² [Культурная политика... 2014]. На общегосударственном и региональном уровнях «вопрос о культуре» медленно, но верно передвигается из части «разное» в основную повестку дня. Культура как социальный институт играет все большую роль в стратегическом видении будущего страны. Немалое значение имело проведение «Года русского языка» (2007), «Года культуры» (2014), «Года литературы» (2015), «Года театра» (2019), принятие «Основ

¹ См.: Вступительное слово В. Путина на заседании Совета по культуре и искусству при Президенте РФ 25 сентября 2012 г.

² Осуществлено в 2014 г. Центром социального прогнозирования (руководитель – Ф. Э. Шереги). Объем выборочной совокупности: 2200 респондентов в 24 субъектах РФ, представляющих население РФ в возрасте 16 лет и старше, сегментированных по типам поселения (мегаполисы, административные центры субъектов РФ, районные центры (города), поселки городского типа, села; в группировке по территориально-экономическим районам и федеральным округам).

государственной культурной политики» (2014), утверждение в 2016 г. «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016).

В декабре 2017 года президент России В. В. Путин призвал к серьезному обновлению государственной политики в области культуры и к разработке закона «О культуре», в Концепции которого обозначена «особая миссия» культуры¹.

В целом граждане страны «придают культурной политике большее значение, чем ряду экономических программ (сельское хозяйство, дороги), тем более социально-политических», а важность развития культуры в общественном мнении оказалась на пятом месте после обороны, экономики и науки, образования и энергетики, роста благосостояния населения. Причем молодежь до 19 лет придает культуре большую значимость, чем представители старших поколений. На пятом же месте, по мнению населения, стоит культурная политика, уступающая по существенности экономической, социальной политике, политике в области образования и науки, экологической политике [Культурная политика России... 2014: 36, 39, 42, 43].

Общенациональное исследование (2018 г.) ФНИСЦ РАН показало, что за четверть века постсоветских трансформаций каждый четвертый (25%) россиянин гордится достижениями нашей культуры, литературы и искусства. Впереди оказались только российская армия, наши спортсмены, воссоединение Крыма с Россией и достижения космонавтики. Причем промышленность и сельское хозяйство, рыночная экономика и российские политические институты остались далеко позади, а медицину, образование, систему социальной защиты отметили в качестве предметов гордости, соответственно, 10%, 5% и 2% россиян².

¹ Концепция проекта федерального закона «О культуре» [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. 2004–2019. URL: https://www.mkrf.ru/press/current/kontseptsiya_proekta_federalnogo_zakona_o_kulture/ (дата обращения: 18. 07. 2019).

² Российское общество осенью 2018 года: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования [Электронный ресурс] // Институт

Сегодня и власть, и российское общество в целом разворачиваются лицом к культуре. Наконец-то сложилось общее понимание, что культуру недопустимо сводить к сегменту рынка или сфере потребительских услуг. А ведь именно к такой социальной парадигме отечественной культуры фактически пришлось приспособливаться в последние десятилетия: «Каждый из нас может на примере собственной работы проследить процесс трансформации отечественной культуры в коммерческий продукт, – подтвердил это советник Президента РФ по культуре Владимир Толстой. – Культурная деятельность – чем дальше, тем больше – измеряется в рублях и цифрах, а не в восторгах зрителей, слушателей, читателей»¹.

К сожалению, в рамках данной парадигмы выстраивалась не только деятельность государства в сфере культуры, но и социологические исследования.

А вместе с тем для социологической науки важно не упустить в предметном поле исследования сущность культуры как способа очеловечивания человека и окружающего его мира, в методологии и методике исходить из этого критерия оценки любого изучаемого явления или процесса культурных изменений.

Слабое звено социологической науки

Еще в первые советские годы появилась когорта социологов, которые осваивали предметное поле культуры и искусства – И. А. Загорская и А. В. Трояновский, Е. Н. Анциферов, А. В. Луначарский и др. Однако идеологическое «прокрустово ложе» существенно обедняло видение ими сложности

социологии ФНИСЦ РАН. 1998–2019. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osenyu_2018.pdf (дата обращения: 18.07.2019).

¹ Культурный слом. Разговор в Госдуме получился безграничным по составу участников и идеям [Электронный ресурс] // Российская газета – Федеральный выпуск. № 64 (7822). 2019. 22 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/22/zakonoproekt-o-kulture-mogut-priniat-do-konca-nyneshnego-goda.html> (дата обращения: 18.07.2019).

духовно-культурных изменений в стране в первой половине прошлого века, сводя последние к триумфальному шествию социалистической культуры.

Позже значительный импульс развитию социологии культуры придали философы и культурологи, рассматривавшие культуру как совокупность материальных и духовных ценностей (В. П. Тугаринов, Г. Г. Карлов), материального и духовного производства (Э. А. Баллер, Н. С. Злобин), как творческую деятельность по освоению мира (Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский), как способ, технологию деятельности (Э. С. Маркарян, З. И. Файнбург, М. С. Каган, В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов), как важнейшую качественную характеристику общества (А. К. Уледов, М. П. Ким, Е. В. Боголюбова, А. А. Вавилин, В. П. Фофанов). Особенно важной в плане социологического анализа культуры представляется идея В. М. Межуева, согласно которой культура является саморазвитием человека, посредством коего опредмечивается его сущность (Межуев В. М. 1977).

В 1980-е и последующие годы своими работами по заявленной тематике выделялись В. В. Журавлев, С. Н. Плотников, представившие комплексные исследования проблем культуры и искусства, разработавшие методологию и методику применения количественных методов и измерений при анализе художественной культуры; С. Н. Иконникова, исследовавшая субкультуру молодежи, массовую культуру; Ф. И. Минюшев, разработавший госстандарты по социологии культуры, методы социокультурного анализа субкультур, потребительской культуры, аудитории кинематографа. Совокупными усилиями советских ученых было сформировано понимание того, что культура есть «мера становления человеческого в человеке» [Шендрик 1990], ставшее своего рода отправной точкой современных исследований состояния культуры.

В 1990-е годы фактически одной из первых удачных попыток соединить философско-культурологический и социологический уровни исследования культуры стали работы А. И. Шендрика (культура молодежи), Т. А. Кудриной (культура села), В. Л. Глазычева (культурный потенциал городской среды). Значительный вклад в развитие социологии культуры как науки

внесли Э. А. Орлова, обосновавшая теоретико-методологические аспекты динамики культуры в условиях трансформации общества, проанализировавшая социокультурную ситуацию в России; Л. Г. Ионин, показавший культуру как глубинную матрицу возникновения и воспроизводства социальных форм и отношений [Ионин 1996]. Методологически важную трактовку социокультурной динамики России обосновал А. С. Ахиезер.

Важно отметить высокий интерес к различным – непосредственным и сопряженным – аспектам социологии культуры и у современных исследователей, в том числе и региональных [А. Л. Андреев, Э. М. Андреев, А. Б. Гофман, О. С. Крюкова, С. Н. Епифанцев, В. В. Кочетков, А. Л. Маршак, Н. И. Селиверстова (Москва), М. А. Абрамова (Якутск), В. П. Бабинцев (Белгород), Д. Г. Горин (Брянск), Т. М. Дадаева (Саранск), О. Б. Истомина (Иркутск), Т. М. Кононова (Тюмень), В. И. Мосин (Тула), Л. В. Намруева (Элиста), В. О. Пигулевский (Ростов-на-Дону), Е. А. Попов (Барнаул), А. А. Резванов (Ростов-на-Дону), О. И. Сгибнева (Волгоград), Л. Г. Скульмовская (Тюмень), В. С. Цукерман (Челябинск) и др.]. Необходимо констатировать и возрастание исследовательской активности в данном направлении у многих молодых ученых в центре и на местах.

Вместе с тем соединить философский и общесоциологический уровни многих работ с эмпирическими исследованиями оказалось достаточно сложно. Большинство попыток изучения реальных процессов в культуре посредством социологического анализа оставалось в рамках эмпиризма и вполне «просчитываемой» интерпретации культуры как совокупности специфических услуг и практик культурно-досуговой деятельности.

Как это ни прискорбно признавать, но именно социологический анализ культурных изменений оказался в последние десятилетия наиболее слабым звеном научных исследований современного российского общества. Для такого вывода существуют объективные причины: издержки периода становления социологии культуры, недостаточная научная разработанность методологии и методики социологического анализа культуры, отсутствие репрезентативной системности проводимых исследований и слишком малый массив научной, особенно

социологической, информации, необходимой для адекватной оценки состояния и тенденций развития культуры в условиях общественных трансформаций.

Наработанный за последние годы массив социологической информации¹ можно расценивать только как абрисные «штрихи к портрету», не позволяющие сложить целостную мозаику современной российской культуры.

Дефицит социологического знания о российской культуре, ее состоянии и тенденциях развития объясняется, прежде всего, многомерной природой объекта (культура) и вытекающей из этого особой сложностью ее социологического анализа. Всеобъемлющий характер культуры как качественной характеристики *всех* сфер и сторон социального бытия, как меры «человеческого в человеке» и духовно-ценностного отношения человека к окружающему, самому себе и другим [Букреев 2011] требует адекватного метода познания, поскольку «любые продукты человеческой активности могут быть охарактеризованы с точки зрения меры опредмеченных (объективированных) сущностных сил человека, т.е. культуры» [Лашук 2018: 110]. Ее проявления в жизни человека и общества – сколько бы ни спорили об их количестве – в принципе поддаются научно-профессиональным социологическим измерениям, а вот учет всех вариантов их взаимодействия и взаимовлияния между собой, результирующих в векторе развития культуры и общества в целом, – вряд ли с применением этих методов возможен.

Еще больший объем данных о состоянии отечественной культуры, начиная с 2013 г. предоставляет государственная

¹ Исследование «Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования» [проведено в 2004 г. в 25 субъектах РФ (руководитель – В. Э. Бойков)]; Культура Москвы ... М., 2008; Культура и культурные потребности ... М., 2010; экспертный опрос «Цели и приоритеты культурной политики современной России» [проведен в 2014 г. (руководители – М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, А. Я. Рубинштейн, Н. В. Сиповская, С. Н. Комиссаров)]; исследование «Культурная политика России в региональном разрезе» [проведено в 2014 г. (руководитель – Ф. Э. Шереги)]; Российское общество и вызовы времени. Книги 1–5. М., 2014–2017 и др.

система (Минкультуры России, Росстат), ежегодно составляющая паспорта культурной жизни регионов РФ. Однако формально-статистическая картина культурной жизни страны и построенные на ее основе официальные доклады ведомства о *культуре как отрасли* отражают, в основном, ведомственные усилия и фактически ничего не говорят о содержательной стороне трансформаций культуры. «Культура и культурная политика все больше формализуются, теряя содержание, – справедливо пишет эксперт, одинаково глубоко знающий и теорию, и реальное состояние проблемы. – Послушайте ежегодные отчеты министров культуры страны или регионов, и вы услышите набор цифр о количестве домов культуры, театров, постановок спектаклей и фильмов и почти ничего о ценностном потенциале и ценностных ориентирах русской, российской культуры и о смыслах культурной политики региона» [Абдулатипов... 2014].

В фарватере такого видения культуры как вторичной сферы социума осуществляется и большинство социологических исследований, проходящих практически по «ряби на поверхности океана» и не дотягивающихся до того, что происходит в его глубине.

Нельзя не согласиться с известным исследователем, что социология культуры переживает стадию становления [Орлова 2016]. Но «подростковый период» этой науки явно затянулся, особенно в свете происходящего переосмысления значимости культуры в общественном развитии и той роли, которую играет культура в решении стратегических задач российского государства. И дело не только в хронической финансовой «недокормленности» социологии культуры, а в характере концептуальных подходов и трактовок ее предметного поля, которые достаточно поверхностны. Доминирующая не только в политической практике, но и в научной сфере одномерная трактовка культуры как сферы услуг не позволяет преодолеть комплекс такого поверхностного эмпиризма исследований и выявить глубинные изменения на сущностном уровне культуры. А такая методологическая ограниченность определяет и низкую эффективность методического арсенала подобных исследований.

Социологические, культурологические, политологические и исторические научные исследования, а также официальные оценки существующих проблем культуры и культурной политики, как правило, оставляют в стороне основополагающие положения о человеке и гражданине России как высшей ценности социального государства (ст. 2 Конституции РФ). Реальная же социально-культурная практика – и вполне вписывающиеся в ее рамки социологические исследования культуры – долгие годы сугубо направлены на реализацию положений статьи 44 Основного закона РФ. Её ценностный смысл и содержание, по существу, не выходят за узкие рамки обеспечения права россиян «на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [Конституция... 1999].

Полученные на такой методологической и методической основе данные не отражают адекватно сущность и сложность культурных трансформаций на уровне личности, социальной группы, общества в целом. Это противоречие фиксируют современные исследователи, пытаясь разделить социологию культуры в традиционном понимании и метаэмпирическую культур-социологию. Если первую можно представить как набор специальных социологических дисциплин, количество которых может быть адекватно количеству сфер или отраслей культуры, то вторая «претендует на статус фундаментального знания об обществе, где само социальное трактуется и интерпретируется в терминах культурного, а социум понимается как «производный» от культуры» [Лашук 2018: 106–107].

Но механическое разделение теоретического и эмпирического не продуктивно. Наука должна быть целостной с единой методологией, четко очерченным предметным полем и разнообразными методиками исследования. Выход из этого гносеологического и методологического тупика состоит в синтезе всех уровней социологического исследования культуры, полюса которого представлены собственно социологией культуры и культурсоциологией. Очевидно, что без такого синтеза на первый взгляд «двух принципиально различных версий социологического подхода к изучению культуры» [Абушенко

2012: 124–125] невозможно понять *смысл* всех статистических и социологических данных о состоянии и изменениях сегментов культуры, равно как и выявить сущность глубинных тенденций изменения культуры и общества в целом. Ведь любое событие общественной жизни – от политико-управленческих решений (например, пенсионная реформа) до динамики числа разводов – имеет культурно-ценностное зерно, пусть закамуфлированное и даже зашифрованное экономическими доводами, психологическими мотивациями, случайными факторами и т.д. Знание о том, что такое культурное зерно существует, откроет суть любого общественного явления для исследователей разных научных специальностей. Но отдельно ни социолого-культурологическая «близорукость» видения реальности, ни культурсоциологическая «дальнозоркость» до конца эту сущность понять не позволят. При этом важно отметить, что гипертрофия социологического эмпиризма в культуре и культурсоциологизма так же не продуктивна, как их уничтожение.

На самом деле полюса единого и целостного культурсоциологического или социокультурного анализа не столько противоречат, сколько взаимодополняют друг друга, отражая многоуровневость самого феномена культуры, неотъемлемыми составляющими которого являются и высшие ценностные сущности – идеалы, и такая вполне прозаическая вещь, как степень информатизации сельских библиотек, как и иные пункты отчетных докладов о состоянии отечественной культуры. Отсутствие бесспорных примеров подобного синтеза не исключает продуктивности позиции авторов статьи. Такой ракурс видения имеющихся социологических исследований состояния российской культуры позволяет хотя бы попытаться подняться над интерпретацией цифровых различий полученных данных и высказать предположения об изменениях, происходящих на глубинном уровне культуры.

Вышесказанное лишний раз подчеркивает необходимость системного анализа важнейшей сферы человеческого бытия и изменений социокультурной динамики, разработки современной методологии и адекватной методики социокультурных исследований. При этом необходимые содержательные

оценки характера культурной деятельности выходят за рамки социологических опросов и требуют не только иных методик, но и методологических подходов, выработки индикаторов культурного развития.

Решение таких масштабных задач невозможно без развития теории социологии культуры, как и без достоверной информационной базы, позволяющей вести глубокую аналитическую работу, выявлять и отслеживать новые тенденции и закономерности культурной деятельности, вести постоянный мониторинг общественного мнения в отношении деятельности организаций культуры и качества услуг, предоставляемых населению нашей страны.

Эти методики должны включать массовые и экспертные опросы, глубинные интервью, контент-анализ текстов и других артефактов, социокультурный и социологический анализ художественных произведений. Ведь, по словам известного своими афоризмами писателя и журналиста Г. Лауба, только искусство позволяет сказать нам даже то, чего мы не знаем. В целом любой художественный образ и культурный артефакт репрезентативен и может быть использован социологом в рамках его концепции происходящего в культуре. Убедительное обоснование возможности рассматривать литературные тексты в качестве форм социального действия представили Б. Дубин и Л. Гудков [Дубин 2010].

Почему, например, нельзя рассматривать выступление деятеля культуры и искусства или статью критика, погруженных в художественно-творческий процесс, как своеобразное углубленное интервью или требующую социологической обработки фиксацию результатов включенного наблюдения? Ведь ученому для достижения объективной оценки различных мнений достаточно обеспечить представительство основных точек зрения на происходящее. С другой стороны, наверное, многие из социологов подпишутся под словами Ларошфуко: «Куда полезнее изучать не книги, а людей». А для социолога культуры и искусства вполне допустимо и то, и другое. Требуется синтез разных методик, потому что в обычных массовых опросах происходит смысловая аберрация. Интервьюер спрашивает о терминах, содержательное наполнение которых

у опрашиваемых не совпадает. Начиная с самой культуры или, например, «массовой культуры» – их определения не однозначны даже для теоретиков и непоколебимо уверенных в своей правоте публицистов телевизионных ток-шоу. Чего же можно ожидать от обычного гражданина?

Культура как деятельность по очеловечиванию мира и самого человека поддается не социологии факта или цифры, а социологии смысла, в котором отражается сущность культуры. А он открывается в оценке глубинных изменений, прорывающихся на поверхность (тем более осознанно) далеко не всегда. По крайней мере, не всегда осознанных.

Еще одна сложная проблема – выбор индикаторов оценки изменений культурной реальности. Пока он произволен, а главное – эти индикаторы не выражают в системном виде сущность культуры, а также определяемые этой сущностью духовно-ценностные критерии оценки культурных изменений, а тем самым не отражают духовно-ценностные характеристики культурной идентичности россиян и сложность социокультурной динамики российского общества [Комиссаров, Солдатов... 2018]. Новые индикаторы культурного развития должны носить интегральный характер, отражающий качественное состояние социокультурной среды и реальную погруженность человека в социальное бытие культуры. Совокупность этих индикаторов должна показать возможности повышения социально-культурного потенциала соответствующей социальной общности, обозначить способ улучшения социально-культурного воспроизводства населения в соответствии с «особой миссией культуры» [Карпухин 2018: 5].

Индексирование социально-культурного потенциала территориальной среды предполагает сложные методики расчета не только интенсивности и количественных изменений, но и качественные трансформации культурной жизни территории, деятельность учреждений и служб социально-культурного назначения [Неймарк, Казанцева 1992: 75]. В этих условиях очень важно определиться в стратегии и выборе приоритетов культурной политики как на общегосударственном, так и на региональном уровнях, разработать на этой основе объективные

программы стимулирования культурной жизни провинции в пределах конкретных регионов. Сфера культуры в регионах нуждается сегодня в создании надежной базы для проявления механизмов саморазвития, в утверждении такой управленческой практики, которая характеризовалась бы существенными подвижками в улучшении социокультурной среды.

Почему бы законодательно не ввести обязательный стандарт культурных услуг – ведь существует же образовательный стандарт! При этом предусмотреть реальные возможности его предоставления всем гражданам, живущим даже в мелких поселениях, и меру ответственности за его неисполнение.

Социокультурный анализ реального развития отечественной культуры должен быть сфокусирован на глубинных трендах социокультурной динамики, обоснованных на уровне метатеоретического социологического подхода [Абушенко 2012: 128], обращенного к сущностному уровню культурной жизни. Социолога культуры интересует не конъюнктурная «рябь на поверхности океана общественного настроения», а глубинные течения духовной жизни общества, определяющие путь, по которому оно будет жить дальше. Важно выявить и осмыслить причинно-следственные связи всего того, что происходит в нашем социуме и в нашей культуре. Тогда можно понять, какие могут быть последствия очевидных или подспудных изменений культурной жизни.

Новые условия бытия культуры

Очевидно, что новая политико-экономическая парадигма в стране, беспрецедентное развитие информационных технологий, особенно интернета, существенно изменившаяся геополитическая обстановка в мире – все это за последние тридцать лет кардинально изменило систему социального воспроизводства отечественной культуры – не только ее внешние параметры и внутренние механизмы функционирования и развития, но и содержательно-качественные характеристики.

Среди внешних условий культурных трансформаций главное – глобализация, которая представляет собой не только

геополитическую доктрину и соответствующие экономические технологии ее реализации, но и новое видение мира, преобразующее многоликость человеческой цивилизации, по сути, навязываемую миру новую ценностную парадигму, подменяющую смыслы и ценности общечеловеческого национального бытия. Такая духовно-культурная экспансия на основе новых информационных технологий, конечно же, не обошла и самую крупную и ресурсобеспеченную, а главное – уникальную в цивилизационно-культурном плане – страну, существенным образом влияя на социокультурную реальность в России.

Все, что происходит с отечественной культурой, вписывается в «Стратегию национальной безопасности для нового столетия», принятую США еще в 1997 г., в которой говорится о необходимости создания «условий, необходимых для процветания наших интересов и ценностей»¹. В 1990-е годы на Западе не сомневались, что Россия встроится в рамки либерально-демократической модели и, как выразился в этой связи Х. Тиммерман, тем самым «станет такой, как мы» [Тиммерман 2009: 106].

Благодаря транснациональному доминированию Запада в культурно-информационной сфере, диалог культур, которому призывали на волне перестройки², давно превратился в монолог с односторонним движением, «культурную интервенцию» (термин Валентина Распутина), рассчитанную на сбой в генотипе нашей культуры. Интересно, что «культурный империализм» признает и известный американский политолог Л. Хантингтон. И хотя он утверждает, что «преобразование

¹ Стратегия национальной безопасности США для нового столетия [Электронный ресурс] // VUZLIB: экономико-правовая библиотека. URL: https://www.politology.vuzlib.su/book_o003_page_186.html (дата обращения: 18.07.2019).

² Знаменитый лозунг Л. Фидлера – «Пересекайте рвы, засыпайте границы» – отвергали тогда менее 3% из 2000 опрошенных в 14 из 15 республик СССР деятелей литературы и искусства. 60% из них категорически отвергали какие бы то ни было запреты в культурных контактах с Западом, а среди творческой молодежи 20–30 лет эту точку зрения разделяли 3/4 опрошенных (Комиссаров С., Наместникова И. Культура в свете нового мышления. М., 1991. С. 74).

культуры не будет (и не может быть) навязываемо Западом», но тут же признает: «если какие-то культурные ценности *на самом деле* препятствуют прогрессу... – тогда культурным новациям просто нет альтернативы». Конечно же, это никак не сочетается с утверждением, что «наша задача отнюдь не в том, чтобы изменить саму культуру, уверяет российских читателей С. Линдсей. – Цель в том, чтобы создать условия, способствующие формированию “конкурентных” компаний, ибо они выступают двигателями экономического роста и, в конечном счете, социального прогресса» [Культура имеет значение... 2002: 8, 26, 32].

Однако развернувшаяся за последующие годы во всю мощь информационная война показала, что главный стимулятор – или тормоз – любых перемен упирается в духовно-психологическое состояние человека. Экономические трудности, политические неурядицы, конечно же, существенно важны для общественных изменений. Однако какие бы вооружения ни придумывали, эпицентр противостояния цивилизаций переместился в область духа, а война идет не столько за территории и ресурсы, сколько за человеческие души. Более того, противостоять очевидным попыткам экономической, политической и духовной аннигиляции России возможно не только новыми видами вооружения, экономическим ростом и социальной гуманностью по отношению к народу, но и внутренней силой самосознания ее граждан, которая конституируется нашей культурой. В этом смысле культура является духовным иммунитетом страны против любых гибридных и информационных войн.

Перед подавляющим большинством россиян нет дилеммы – сохранить традиционную духовную основу многонациональной России, которую некоторые экспериментаторы считают главным препятствием на пути реформ и даже говорят об их «культурной блокировке» – или привить на национальную почву тот тип культуры, который отвечает глобалистским стандартам. Природа отечественной культуры такова, что она способна обеспечить гармонию различных культурных интересов и практик, сохранив свой духовно-культурный генотип.

Главным социально-инфраструктурными фактором изменений социального бытия культуры стали новые информационные технологии и рыночные механизмы, на которые в начале 1990-х годов «переставили» отечественную культуру. Благодаря рынку и электронике изменился *«способ производства» и социальная технология* создания, распространения и потребления художественных произведений и культурных услуг. Художественно-творческий процесс трансформировался в массовое производство символической продукции [Бурдые 1993]. Такого рода «культурную индустрию» Т. Адорно считал развращенной фетишизмом товара, лишенной свободы и подчиненной рынку и вкусам публики [Цит. по: Чернявская 2011: 185].

В рамках этой «культурной индустрии» творческая деятельность как способ самовыражения таланта сменилась его функциональным участием в индустрии культуры, художественное произведение стало товаром, изготавливаемым в процессе производства продукции для «рынка символических благ» [Бурдые 1993]. Отсюда гипертрофия «промежуточного звена» между создателем и потребителем культурных благ, деятельность которого носит сугубо рыночный характер и подчинена только получению прибыли.

Главное ограничение свободного выбора в культуре состоит в том, что именно в этом «сегменте рынка» с особой силой проявляется закон, согласно которому не только спрос рождает предложение, но и предложение рождает спрос (добавьте моду и рекламу). А оно определяется, прежде всего, прибылью, которая «перпендикулярна» творческому самовыражению художника и цели одухотворения человека.

Массовое сознание в России в оценке такого рода трансформации далеко от единства. Около 60% россиян отмечают трудности процесса адаптации сферы культуры к рыночным условиям. В свою очередь, 59% полагают, что «диктатом рынка» эта свобода сейчас не ограничивается, а остальные (41%), что она пала жертвой диктатуры рынка.

Глобализация и принципиальные изменения технологии массовых коммуникаций привели к качественному обновлению социокультурной ситуации в России и в мире. Существенным

фактором трансформации культуры в последние десятилетия стало превращение СМИ, а теперь и Интернета с его неограниченными возможностями в основное звено инфраструктуры культуры, определяющее не только эстетические вкусы и досуговые предпочтения, но и смысложизненные установки и ценностные критерии оценки добра и зла, красоты и безобразия, совести и бессердечия и т.д.

Благодаря этому изменилась не только конфигурация пространства культуры [Лашук 2018: 105], включая внутренние структурные смещения, но и ее содержательно-качественные характеристики, а также механизмы социального функционирования и сама технология воспроизводства культуры в условиях рынка. Новые информационные технологии, сместив центр тяжести инфраструктуры культуры в область СМИ, прежде всего интернета, перекроили процесс межличностных коммуникаций и запустили процесс виртуализации искусства. Открывшиеся беспрецедентные возможности для взаимодействия и взаимообогащения культур в нынешней геополитической обстановке используются преимущественно для культурной экспансии американизма.

Состояние культуры в зеркале социологии

За последние десятилетия в нашем обществе произошли глубинные подвижки. Прежде всего, нужно признать – а это один из главных выводов многолетних исследований ФНИСЦ РАН (ранее ИС РАН) – никогда еще в своей истории российское общество не было так глубоко дифференцировано, сегментировано и разнообразно, как в настоящее время, причем по всем ключевым основаниям. И по уровню материальной обеспеченности и социальной стратификации, по интересам и мировоззренческим ориентирам, ценностным и смысложизненным установкам, по психоэмоциональным состояниям и позиционированию себя вне семейного и личностного пространства, по образу жизни и отношению к национально-историческим традициям и – что также важно отметить – по своим культурным предпочтениям. Причем такая дифференциация наблюдается

внутри всех социально-профессиональных и возрастных групп, жителей всех типов поселений. Принадлежность к одной и той же социальной группе – по возрасту, доходам, образованию, проживанию от мегаполисов до сельской местности, – конечно же, откладывает отпечаток на внутренний мир человека и его культурные запросы, но отнюдь его не штампует.

В принципиальном плане можно предположить, что такое беспрецедентное социокультурное многообразие станет развиваться в двух направлениях. Либо вероятен разрыв духовно-культурной ткани нашего общества и его внутренней целостности. Либо оно превратится в «цветущую сложность» (К. Леонтьев), которая обеспечит раскрытие всего неизмеримого богатства внутреннего мира человека – где бы он в России ни проживал, в какой бы семье ни родился, чем бы ни занимался в своей жизни – и принесет отечественный культуре новый расцвет.

Радикальные преобразования затронули самые глубинные пласты общественной жизни – чаще всего невидимые даже самому внимательному взгляду журналиста или обычного человека. Поэтому оценки того, что с нами произошло, далеко не всегда объективны. Не случайно они носят взаимоисключающий характер в устах не только участников политических ток-шоу, но и обычных людей. Прежде всего это относится к культуре, к которой каждый из нас приобщен непосредственно.

Важно отметить, что такие противоположные оценки еще с начала 1990-х гг. отражали духовный разрыв в обществе. Одни вели речь о трагедии, «катастрофе культуры» [Чурбанов 1993: 6], другие о «возрождении подлинной культуры» и духовной свободе. Но очевидно, что культурный шок 90-х гг. так и не прошел. И сегодня «консолидации культурного сознания россиян не наблюдается» [Культурная политика России... 2014: 111]. При этом общее состояние культуры в стране шестеро из десяти (57%) опрошенных экспертов (2014) оценили как среднее. Но 40% деятелей искусства и 29% управленцев-практиков дали негативные оценки. Лишь 14% экспертов-управленцев, представляющих в основном регионы, отмечали позитивную динамику в развитии культуры в стране.

Данные недавних исследований ФНИСЦ РАН (2018 г.) свидетельствуют, что сознание общества практически раздвоено по поводу того, что сегодня происходит в культуре. Так, пополам разделились сторонники и противники того, что отечественная культура продолжает лучшие русские и советские традиции. В пределах статистической погрешности разнится число россиян, придерживающихся противоположных мнений: одни говорят о расцвете, другие об упадке российской культуры за последние 25 лет, одни признают, другие отрицают преемственность современной российской культуры с лучшими образцами предшествующих эпох.

При этом наши граждане отмечают достижения в сфере культуры за последние годы. Свыше 60% (против 40%) считают, что в современной России граждане получили доступ к образцам отечественной культуры. 70% опрошенных признают, что художник обрел, наконец, свободу, и может создавать любые произведения. Большинство (59%) думает, что «диктатом рынка» это свобода сейчас не ограничивается (41% придерживается противоположного мнения).

Более раннее исследование¹ зафиксировало, что доля респондентов, оптимистично оценивающих ситуацию в кинематографе и театре (39,7 и 25,5% соответственно), «существенно превышает долю тех, кто настроен пессимистически и видит здесь в основном ухудшение ситуации (26,5 и 11,7%). Из чего делается вывод о положительных изменениях общественного мнения по поводу культурной жизни страны в целом, свидетельствующих не только об улучшении ситуации в отдельных

¹ Исследование «Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования» [проведено в декабре 2004 г. в 25 субъектах РФ (руководитель – В. Э. Бойков)]. Опрошены 2407 человек, репрезентирующих территориальное размещение, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей в возрасте 18 лет и старше, а также 506 экспертов – работников театров, музеев, массовых библиотек, домов культуры, домов народного творчества, СМИ, управлений культуры, музыкантов, преподавателей вузов (музыкальных, театральных, культуры), музыкальных училищ и школ, членов творческих союзов (композиторов, писателей, художников).

ее секторах, но и о преодолении кризиса» [Митрошенков 2005: 37, 38]. Не оспаривая правомочности такого заключения, нельзя не отметить, что оно требует подтверждения на гораздо более широком информационном основании и должно учитывать общую картину культурного поля.

Одно из наиболее основательных исследований состояния культуры было проведено в Москве, где показатели культурного развития вряд ли хуже, чем в большинстве российских городов и тем более в сельских поселениях... [Культура Москвы... 2008]. Оно выявило, что за двадцать лет – с 1988 по 2008 г. – в столице в два раза упала посещаемость театров, музеев, концертов; буквально рухнула читательская активность – с 81 до 51% среди 30–59-летних и с 75 до 48% среди тех, кому больше 60 лет. Далее: в 4 раза сократилось число взрослых (старше 30 лет) посетителей библиотек. Книговыдача на одного взрослого в месяц упала с 2,33 до 0,33, доля бравших книги среди 18–29-летних сократилась в два раза, среди 30–59-летних – в 10 раз, среди тех, кому за 60, – в 4,5 раза. А число интенсивных читателей уменьшилось в 41 раз. Бездеятельный отдых предпочитают 98% молодых людей до 17 лет, 84% тех, кто старше 17 лет (в 1988 г. последних было 75%). За 20 лет упал интерес школьников к информации – в 1988 г. ею интересовались 82% опрошенных, в 2008 – 61% молодых людей того же возраста, к проблемным – соответственно 57 и 21%, к образовательным передачам телевидения – 66 и 23%. Как шагреновая кожа, сокращается молодежная (в возрасте до 17 и от 17 до 29 лет) телеаудитория искусства: литературных передач – в 13 и 8 раз соответственно, передач по изобразительному искусству – в 5 и 8 раз, даже музыкальных передач – в 2,5 раза в обеих возрастных категориях [Культура и культурные потребности... 2010].

В целом же, по мнению авторов, ближе к истине данные, согласно которым около половины населения воспринимают происходящее в культуре и ее созидательную роль в обществе с оптимизмом, и примерно столько же – с пессимизмом [Культурная политика России... 2014].

Большинство опрошенных нами экспертов самыми серьезными угрозами для отечественной культуры считает утрату

духовной, историко-культурной самобытности российской культуры, национально-культурной идентичности и разрушение культурной индивидуальности, рост опасности вестернизации культуры, а также разрушение памятников истории и культуры (это отметили четверо из пяти экспертов). Практически все эксперты выражают серьезную озабоченность снижением показателей духовной жизни общества, разрывом между специализированным и обыденным уровнями культурного развития, падением требований к художественному уровню культурного процесса, спадом интереса к классическому культурному наследию – отечественному и мировому. Наиболее негативные оценки экспертов получили организация и развитие культурного туризма, сохранение и государственная охрана культурного наследия РФ, эстетическое воспитание граждан, в том числе молодежи, деятельность в сфере дизайна и архитектуры и популяризация сферы культуры.

Экспертный прогноз развития культуры в нашей стране, к сожалению, тоже неутешителен. Оптимистичный настрой на ближайшие годы вызывают у экспертов только создание и распространение аудиовизуальной продукции (кинематограф¹, телевидение), сохранение и государственная охрана культурного наследия РФ. 60% (против 40%) опрошенных экспертов считают, что положение в этих видах культурной деятельности изменится в лучшую сторону.

По данным ФНИСЦ РАН за 2018 г., нестойкий баланс все же имеет тенденцию сдвига в сторону негативных оценок тех изменений, которые происходят в культуре. Две трети (66% против 40%) опрошенных считают, что отечественная культура теряет свою национальную специфику под натиском западной массовой культуры. В свою очередь 57% респондентов (против 33%) уверены, что в нашем обществе появились две культуры – одна для богатых, вторая для бедных – можно сказать, «рублевая» и «рублевская»... К этому следует добавить, что 58% (против 42%) признают нравственную ущербность современного художественного

¹ Однако в ответах на открытый вопрос эксперты отмечали неблагополучие в детском и юношеском кино.

творчества, пропагандирующего эгоизм, гедонизм, успех любой ценой, насилие, секс и пошлость. Причем каждый третий россиянин винит в этом засилье массовой культуры – лишь 17% опрошенных считают, что она оказывает позитивное влияние на человека. Важно отметить, что 22% респондентов даже не знают, как оценить это влияние. Конечно же, толкование массовой культуры неоднозначно: каждый понимает по-своему это явление, которое представляет собой «примитивную форму чувственного удовольствия» на основе неразрывной связи жизни и искусства и потребности в соучастии. По сути, это подразумевает «подчинение формы функции» [Bourdieu 1984: 32].

Но тенденция очевидна. Негативные оценки ее влияния на человека разнятся в полтора раза между представителями возрастной группы 18–30 лет (22%) и 30–60 лет (от 33 до 36%), а по сравнению с теми россиянами, кому 60+, эта разница становится двукратной (44% представителей данной возрастной категории оценивают это влияние как отрицательное). Не нужно быть социологом, чтобы заметить процесс крайнего «омассовления» отечественной культуры – со всеми вытекающими из этого последствиями.

Однако социологические данные реальное состояние культуры тоже отражают далеко не во всем, поскольку у респондентов разные мировоззренческие позиции, критерии оценки и опыт культурной деятельности. А главное: у каждого из двух опрошенных можно зафиксировать минимум три мнения по поводу того, что такое культура.

Большее половины россиян (55% опрошенных) продолжают верить в гуманистическую миссию литературы и искусства. Очевидно внутреннее сопротивление бездуховности, волны которой накатываются все более интенсивно в информационно-культурном пространстве, где нет практически никаких ограничений. Так, в матрице предпочтений россиян советское кино и эстрада преобладают над современным западным кино и отечественным шоу-бизнесом. Также не очень популярна среди россиян и современная литература.

Наиболее благоприятная ситуация в отраслях культуры складывается, по оценкам экспертов, с профессиональным

искусством и музейной деятельностью (40% оценили их нынешнее состояние как хорошее и 60% – как удовлетворительное). Положительно эксперты оценили динамику развития только музейной деятельности (80% опрошенных) и профессионального искусства (60%). Отрицательная динамика за последние 5 лет также характеризует, с точки зрения большинства опрошенных экспертов, издательскую и архивную деятельность, научно-исследовательскую работу в сфере культуры и искусства, библиотечную деятельность и организацию культурного туризма... [Цели и приоритеты... 2014].

Вместе с тем советское культурное наследие постепенно вытесняется современной продукцией – и не только в эфире, но и в культурных предпочтениях россиян. Процесс не слишком заметный, но неуклонный. Доля любителей советского кино и эстрады за последние 15 лет снизилась на 8 и 10% соответственно, а среди молодежи число симпатизирующих современному искусству, прежде всего кино и музыке, уже превышает число тех, кто отдает предпочтение советской классике.

Исследования ФНИСЦ РАН позволяют выявить многие внутренние различия ценностного самосознания людей – разных по возрасту, социальному положению, типу поселения и многим другим параметрам. И сопоставление этих различий позволяет говорить о процессе поляризации культуры и становлении в ней двух эпицентров – субкультуры традиционалистской и современной. Так, иерархия предпочтений молодежи (шесть первых позиций по шкале «нравится», набирающих более 50%) выглядит следующим образом: интернет, социальные сети (82%), зарубежные фильмы (76%), современная музыка (72%), современное российское кино (55%), мода, дизайн (51%). Ни по одной позиции данные предпочтения не совпадают с предпочтениями представителей самой старшей возрастной когорты (60+). Среди культурных интересов последних лидируют: советское кино (96%), советская эстрада (74%), русская классическая литература (62%), российские телесериалы (56%) и классическая музыка (52%). Респонденты в возрасте 31–40 лет по большинству предпочитаемых позиций оказываются ближе к молодежи, а средневозрастная и предпенсионная когорты – к самой возрастной.

К тому же для разных возрастов существенно меняется – а это очень важно – структура досуга. Виртуальную реальность (интернет, социальные сети, компьютерные игры) предпочитают больше половины (51%) россиян с 18 до 30 лет и только один из десяти представитель старшей возрастной группы более 60 лет.

Однако сегодня нет оснований говорить о нарастании в современной России межпоколенческой социокультурной пропасти. Во все времена молодежь в большей степени тянулась к актуальным формам культуры и искусства, прежде всего кино и музыке, а также к активным формам познания жизни. А вот большое сожаление вызывает равнодушие более половины опрошенных молодых россиян к истории, а также лучшим образцам русской и зарубежной классической литературы, музыке и театру.

Падение доходов населения, обострение социального неравенства приводят к снижению культурно-досуговой деятельности. Социологи фиксируют «опрошение досуга», закономерность, отражающую поселенческие диспропорции: по мере уменьшения населенных пунктов в них растет число сторонников простого традиционного домашнего досуга, а число приверженцев активного досуга, напротив, сокращается¹.

И все же наиболее опасным с точки зрения перспектив развития культуры является другое выявленное социологами из Центра социального прогнозирования противоречие, которое можно обозначить парой однокоренных, но противоположных по смыслу слов: демократия и демагогия. Равный доступ к культурным ценностям имеет подавляющее большинство – 86–87% опрошенных ими респондентов, пользоваться библиотеками, кинотеатрами, театрами могут 70–75%, свободно заниматься культурным творчеством – около половины россиян. Однако равный доступ к культурным ценностям Российского государства и национальным культурным ценностям своего

¹ Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность. Пятнадцать лет спустя / Отв. редакторы М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. С. 91.

народа имеет только каждый третий житель страны (соответственно, 30,9% и 36,1% опрошенных), а **реально** посещает театры, музеи, выставки лишь каждый десятый россиянин в возрасте 16 лет и старше. Еще меньше – 3% – занимаются в кружках художественной самодеятельности, техническим творчеством – 1,6%. Только пятая часть населения имеет возможность полноценно организовать свой культурный досуг. Запрос на приобщение к культуре у нас в стране фактически подавляющий – 93% опрошенных испытывают потребность участвовать в культурных мероприятиях, но удовлетворить свои культурные потребности могут меньше половины (45%) россиян. Таким образом, в силу разных причин более 30% россиян «отчуждены от приобщения к культуре» [Культурная политика... 2014: 64].

Заключение

В целом динамика социокультурного развития российского общества за последние десятилетия вполне сопоставима с потрясениями столетней давности, когда сменилась общественно-экономическая парадигма социального бытия отечественной культуры. Прояснить ее реальное состояние и тенденции развития может только системный социологический мониторинг социокультурной ситуации в стране, отсутствие которого – показатель слабости этого важнейшего звена российской социологии.

Никакой культурной ассимиляции или симбиоза за 30 лет не произошло – ни в самой российской культуре, ни в ее отражении в головах. К нынешнему состоянию российской культуры вполне применим термин **«контаминация»** – механическое смешение двух частей из разных фраз. За каждой из частей стоит своя правда, система ценностей и т.д. Но сочетание дает ложную информацию, в просторечье – абракадабру, которая не обладает никакой эвристической и культурной ценностью.

Безусловно, разного рода пессимистические оценки происходящих в современной российской культуре процессов нельзя абсолютизировать – этому учит многовековая отечественная

история. Культура практически всегда находится на грани инобытия в борьбе с невежеством, антикультурой, агрессивной политикой, неблагоприятной социально-экономической ситуацией. И тем не менее она сохраняет созидательно-творческий потенциал, развиваясь за счет внутренних источников, заложенных в самой природе культуры, в которой закодировано самосознание народа. А оно, по словам Федора Ивановича Тютчева, «однажды возникнув, не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы».

Список литературы

- Абдулатипов Р. Г.* Культурная повестка России. Рамазан Абдулатипов – о ключевых точках Года культуры // Российская газета – Федеральный выпуск. № 6 (6278). 2014. 15 января.
- Абушенко В. Л.* Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии // Социологический альманах. № 3. С. 124–140.
- Букреев В. И.* Расчеловечивание человека в мировой истории: истоки и глобальные последствия. М.: Наука, 2011. 405 с.
- Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 49–62.
- Горшков М. К., Гринберг Р. С., Сиповская Н. В., Рубинштейн А. Я., Комиссаров С. Н.* И днем, и ночью кот ученый... Письмо руководителей академических институтов об основах культурной политики в России // Российская газета – Федеральный выпуск. № 95 (6367). 2014. 25 апреля.
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.
- Дубин Б. В.* Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 345 с.
- Ионин Л. Г.* Социология культуры. М.: Логос, 1996. 280 с.
- Карпухин О. И.* Регионализма и культурная политика государства // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 18–33.

- Карпухин О. И., Комиссаров С. Н.* Государственная политика в сфере культуры в зеркале социологии // Гуманитарий Юга России. Том 7. № 5. С. 118–142.
- Карпухин О. И., Комиссаров С. Н.* Состояние российской культуры: экспертные оценки и мнение населения // Гуманитарий Юга России. Том 7. № 6. С. 26–40.
- Комиссаров С. Н.* Социокультурные факторы идентификации (продолжение) // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 74–88.
- Комиссаров С. Н., Наместникова И. В.* Культура в свете нового мышления. М., 1991. 89 с.
- Комиссаров С. Н., Солдатов В. М.* Культурная политика и социальная практика в регионах Российской Федерации // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Том 6, № 4 (24). С. 29–40.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
- Культура Москвы (2000–2025): научный доклад / Б. Ю. Сорочкин (руководитель коллектива), Т. В. Абанкина, М. Б. Гнедовский, Е. А. Дудкина, М. И. Жабский, Т. В. Коновалова, Е. П. Костина, Г. И. Науменко, А. А. Ушкарев, Е. А. Хаунина. М., 2008.
- Культура и культурные потребности москвичей / Отв. ред. А. Я. Рубинштейн. М.: Экономика, 2010. 238 с.
- Культурная политика России в региональном разрезе: Отчет по итогам общероссийского социологического исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2014. 210 с. [Электронный ресурс] // Забайкальский край: официальный портал. URL: <http://www.збайкальскийкрай.рф/documentation/dopolnitelnaya-informaciya/266/> (дата обращения: 18.07.2019).
- Культурология в основных понятиях, исторических фактах и логических схемах / Под ред. Абдулатипова Р. Г., Сапрыкина В. А., Комиссарова С. Н. М., 2011. 520 с.

- Лашук И. В.* Теоретико-методологические и операциональные основания социокультурного анализа современного общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Выпуск 16. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 104–119.
- Левашов В. К.* Социокультурная реальность и индикаторы устойчивого развития российских регионов. Зарубежный и отечественный опыт. М.: ИСПИ РАН, 2015.
- Межуев В. М.* Культура и история. М.: Политиздат, 1977. 199 с.
- Митрошенков О. А.* Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 37–46.
- Неймарк Н., Казанцева Г.* Регионально-поселенческий аспект культурной политики // Культурная политика в современном обществе. М., 1992.
- О культурных потребностях москвичей:* Научный доклад / Ю. У. Фохт-Бабушкин (рук. коллектива), Е. Э. Гавриляченко, Г. Г. Гедовиус, Е. А. Дудкина, Т. В. Петрушина, А. Н. Шеремет. М., 2008.
- Орлова Э. А.* Компоненты современной социологии культуры // Культура культуры. 2016. № 3. С. 1.
- Российское общество осенью 2018 года: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования* [Электронный ресурс]. – М.: Институт социологии РАН, 2018. 62 с. // Институт социологии ФНИСЦ РАН. 1998–2019. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osenyu_2018.pdf (дата обращения: 18.07.2019).
- Салахиева-Талал Т.* 2019. Психология в кино. Создание героев и истории. М.: Альпина Паблишер. 349 с.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя.* М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 312 с.
- Тиммерман Х.* Европа и ее восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 105–115.
- Цели и приоритеты культурной политики современной России: мнения экспертов и позиция населения. Аналитическая*

записка по итогам экспертного опроса в рамках общероссийского социологического исследования. М., 2013.

Чурбанов В. Б. Новая культурная политика или «новая культурная революция»? М.: РАО-Корпорация. Институт европейских гуманитарных программ, 1993. 50 с.

Шендрик А. И. Духовная культура советской молодежи: сущность, состояние, пути развития. М.: Молодая гвардия, 1990. 305 с.

Bourdieu P. 1984. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. London: Routledge.